На правах рукописи

СУМИНА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Специальность 10.02.19 – теория языка

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

НАЛЬЧИК
2017

Работа выполнена на кафедре немецкой и романской филологии ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова».

Научный руководитель – **Аликаев Рашид Султанович**,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой немецкой и
романской филологии ФГБОУ ВО
«Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова»

Официальные оппоненты: **Манаенко Геннадий Николаевич**,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка
Гуманитарного института ФГАОУ ВО
«Северо-Кавказский федеральный университет»

Тамерьян Татьяна Юльевна,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры иностранных языков
для неязыковых специальностей ФГБОУ ВО
«Северо-Осетинский государственный
университет им. К.Л. Хетагурова»

Ведущая организация – ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»

Защита состоится 24 марта 2017 года в 13.00 на заседании диссертационного совета Д 212.076.05 при ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова» по адресу: 360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова».

Электронная версия автореферата размещена на сайте ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова». Режим доступа: http://www.kbsu.ru.

Автореферат разослан «_____» _____ 2017 года.

Учёный секретарь
диссертационного совета Чепракова Татьяна Александровна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена описанию семантических и прагматических характеристик психотерапевтического дискурса, определению его конститутивных признаков, а также жанрово-стилистического своеобразия. Исследование проводится в русле общей теории анализа дискурса, основывающейся на положении о существовании дискурса как специфического лингвистического явления, имеющего отношение одновременно к языковым и неязыковым структурам.

Актуальность реферируемой работы обусловлена следующими моментами: 1) теория дискурса является одной из наиболее активно развивающихся областей современной антропологической лингвистики, вместе с тем психотерапевтический дискурс еще недостаточно освещен в научной литературе по языкознанию; 2) психотерапевтическое воздействие представляет собой распространенный тип коммуникативной активности, однако его семантические и прагматические характеристики еще не были предметом специального лингвистического анализа; 3) психотерапевтический дискурс реализуется как в базовых жанрах общения психотерапевта с клиентом, так и в периферийных жанрах, требующих лингвистического описания.

Объектом диссертационного исследования является психотерапевтический дискурс.

Предметом исследования являются семантические и прагматические характеристики психотерапевтического дискурса применительно к его основным жанрам.

В основу выполненной работы положена следующая **гипотеза**: психотерапевтический дискурс выделяется на основе определенных признаков, может быть объективно описан с помощью специальных методов лингвистического анализа, распадается на определенные жанры, имеет присущие ему языковые способы выражения.

Целью исследования является характеристика психотерапевтического дискурса в его основных жанровых воплощениях. Поставленная цель конкретизируется в следующих **задачах**:

– определить конститутивные признаки психотерапевтического дискурса;

– установить компонентную структуру коммуникативной ситуации, реализующей данный тип общения;

– описать основных участников этого дискурса;

– выявить базовые интерпретативные механизмы, используемые в психотерапевтическом дискурсе;

– охарактеризовать семантическую и прагматическую специфику базовых и периферийных жанров анализируемого типа общения.

Материалом исследования являются текстовые фрагменты, объясняющие и выражающие психотерапевтический дискурс, полученные путем выборки из научной, научно-популярной, справочной и художественной литературы, психотерапевтических сессий, интернет-рассылок. Всего проанализировано около 2000 соответствующих фрагментов на русском и английском языках.

В работе использованы следующие **методы** исследования: понятийный, дискурсивный, интерпретативный анализ, включенное наблюдение, интроспекция.

Степень научной разработанности проблемы. Психотерапевтический дискурс неоднократно привлекал внимание психологов и психотерапевтов-практиков. Понятие *психотерапевтический дискурс* функционирует в работах отечественных психотерапевтов [Калина 1997, 1999, 2001; Цапкин 2004; Бушев, Зиньковский, Агкацева 2013] и рассматривается ими с точки зрения психологической науки. Так, психотерапевт Н.Ф. Калина [Калина 1997, 1999, 2001] обосновала лингвистическую парадигму исследований бессознательного регистра человеческой психики. Семиотический подход к бессознательному находит отражение в исследовании В.Н. Цапкина [Цапкин 2004]. Анализу роли методологической категории рефлексии и риторически сильных текстов как терапевтических метафор посвящена монография «Психотерапевтическая риторика» [Бушев, Зиньковский, Агкацева 2013]. Отдельные аспекты анализируемого типа общения затрагиваются в философской литературе [Касавин 2008]. Основные выводы исследователей сводятся к тому, что психотерапевтический дискурс является типом общения, в котором слово, равносильное действию, обладает особой значимостью. В процессе совместной работы психотерапевта и клиента происходит «демистификация» дискурса клиента, когда осознаются и блокируются семиотические связи, явившиеся причинами психологических затруднений, а вместо них создаются новые личностные значения и экзистенциальные смыслы.

Психотерапевтический дискурс частично рассматривался в работах исследователей [Cicourel 1985; Hein, Wodak 1987; Labov, Fanshel 1977; Wodak 1996], в основном в качестве разновидности медицинского дискурса [Акаева 2007; Багдасарян 2005; Барсукова 2006; Жура 2008; Карасик 2014; Миллз 2000]. В данной диссертации предлагается описание психотерапевтического дискурса как специфического сложного лингвистического явления с точки зрения дискурс-анализа, когнитивной, семиотической, риторической, стилистической исследовательских парадигм.

Методологическую и теоретическую основу исследования составили фундаментальные труды отечественных и зарубежных ученых,

– работающих в различных отраслях научного знания (лингвистике, философии, психологии, культурологии, социологии) [Аликаев 1999, 2006, 2011,2012; Барт 1994, 2009; Бахтин 1979, 1994, 2000; Берн 2004; Бушев, Зиньковский, Агкацева 2013; Выготский 1998; Гиренок 2012; Голицын, Петров 2007; Калина 1997, 1999, 2001; Касавин 2008; Кашкин 2007; Кристева 2013;

Леонтьев 2007; Лосев 2008; Лотман 1996; Мамардашвили 1995, 2000; Ранкур-Лаферьер 2004; Руднев 2007, 2012; Стевенсон 2004; Степанов 2010; Успенский 1995; Франкл 1990; Фрейд 1991, 2013; Цапкин 2004; Юнг 2010, 2013; Ялом 2008; Cicourel 1985; Hein, Wodak 1987; Labov, Fanshel 1977; Wodak 1996];

– а также в области смежных направлений (лингвокультурологии, социолингвистике, психолингвистике) [Арутюнова 1999; Вежбицкая 2011; Воркачёв 2007, 2011; Гальперин 1981; Золотова 2001; Иссерс 2006; Карасик 2004, 2009, 2010; Кубрякова 2012; Олянич 2007; Фирстова 2008; Формановская 2007; Шейгал 2004 и др.].

Наиболее значимы для нашего исследования работы М.М. Бахтина [Бахтин 1979, 1994, 2000] о принципиальной диалогизации процесса речи и мышления. Анализируя психоаналитический метод З. Фрейда, М.М. Бахтин (В.Н. Волошинов) указывал на его интерпретирующий (истолковывающий) характер, а также на метафоричность используемых З. Фрейдом терминов.

Научная новизна исследования состоит в комплексном подходе к феномену психотерапевтического дискурса, недостаточно ещё освещённому в рамках теории языка; в исследовании прагматической природы психотерапевтического диалога через выявление коммуникативных средств его реализации, в освещении базовых и периферийных жанров психотерапевтического дискурса. Описаны системообразующие признаки психотерапевтического дискурса.

Теоретическая значимость выполненной работы заключается в том, что данное исследование вносит вклад в развитие теории дискурса: уточняются характеристики психотерапевтического дискурса как специфического институционального и неинституционального общения, а также его жанровое воплощение применительно к психотерапевтической сессии, художественной литературе и интернет-рассылкам.

Практическая ценность исследования состоит в возможности использования полученных результатов в курсах языкознания, стилистики русского и английского языков, спецкурсах по анализу дискурса, жанроведению, психолингвистике.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Психотерапевтический дискурс является институциональным типом общения, цель которого – помочь клиентам (пациентам) обрести б**о**льшую самостоятельность, независимость и автономность, непротиворечивость и цельность, уверенность в себе и веру в людей. Психологическая помощь адресована всей личности, а не отдельным трудностям или проблемам. В узком смысле психотерапевтический дискурс – совокупность речевых актов, используемых в кабинете психотерапевта или в зале, где проходит психологический тренинг; в широком – набор определенных действий, ориентированных на изменение человека, а также речеактовые комплексы, сопровождающие процесс взаимодействия коммуникантов.

2. Конститутивными признаками психотерапевтического дискурса являются следующие: 1) его содержание – диалог психотерапевта и клиен-

та, повествующего о своих чувствах; 2) его участники – психотерапевт и клиент; 3) его хронотоп – организованное символическое обособленное пространство, характеризующееся уплотнением времени (зал, где проходит психологический тренинг, является убежищем, в котором клиент может испробовать новый опыт переживания, новые способы чувствовать, думать, действовать); 4) его ценности – душевное здоровье индивида, облегчение душевных страданий, а также интерес к конкретному человеку и желание помочь ему; 5) его системообразующие концепты – *психика, душа, психотерапевт*. Концептуальное пространство психотерапевтического дискурса формируется как специфическими концептами, характерными для данного типа общения (*бессознательное, личностный рост*), так и концептами, являющимися общими для психотерапевтического дискурса и других типов общения, но получающими специфическое преломление в данном дискурсе (*жизнь – смерть, любовь, страдание* и др.).

3. Цель психотерапевта – быть эффективным целителем – достигается применением соответствующих коммуникативных стратегий: интерпретативной, организующей и объясняющей. Интерпретативная стратегия составляет основу механизма психотерапевтического семиозиса.

4. В произведениях классиков художественной литературы, отражающих сложный внутренний мир персонажей, встречаются сюжеты душевного врачевания, в которых специфически преломляются системообразующие признаки психотерапевтического дискурса – через описание состояний героев, при этом особенно значимыми являются пограничные ситуации. Подобные описания являются одним из действенных средств психотерапевтического воздействия.

5. Психотерапевтический дискурс активно функционирует в научно-популярном формате общения. В интернет-рассылках и научно-популярных статьях он модифицируется в соответствии со спецификой адресата – массовостью аудитории и размытостью проблемной ситуации. Важными особенностями интернет-рассылки как жанра психотерапевтического дискурса являются неинституциональный характер, облегчение содержания, рассмотрение типичных проблемных ситуаций.

Апробация работы. Основные положения диссертации излагались в докладах на научных конференциях: Международная научно-практическая конференция «Вопросы образования и науки: теоретические и методические аспекты» (Тамбов, 2014); II Международная научная конференция «Прикладные и фундаментальные исследования» (Сент-Луис, Миссури, США, 2013); II Международная научная конференция «Стилистика сегодня и завтра: Медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах» (Москва, 2012); юбилейные научно-практические конференции РГСУ (2012, 2013, 2014).

По теме диссертации опубликовано 14 работ, в том числе учебное пособие «Психодиагностика и этика делового общения: совершенствование

умений и навыков в коммуникационном процессе» (Ростов-на-Дону, 2013, в соавторстве с Кудиновой Т.А., Кудиновым А.А.). В журналах, входящих в список рекомендованных ВАК РФ, опубликовано 8 статей.

Общий объем опубликованных по теме диссертации работ составил 4,61 п.л.

Структура диссертации обусловлена логикой исследования и состоит из введения, двух глав, заключения, списка используемой научной литературы, включающего 280 наименований, и списка источников иллюстративного материала.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В **первой главе «Общая характеристика психотерапевтического дискурса»** рассматриваются интерпретации понятия *дискурс* в философской и лингвистической литературе, определяется место психотерапевтического дискурса среди других типов общения, описываются теоретические основы психотерапевтического дискурса в лингвопрагматическом преломлении, обсуждаются номинации участников психотерапевтической коммуникации, формулируются семантические слоты лингвокультурного типажа *психотерапевт*, анализируются ведущие метафоры данного типа общения.

С изменением стиля, темпа и качества человеческой жизни актуальным становится описание психотерапевтического дискурса.

В качестве термина словосочетание *психотерапевтический дискурс* функционирует в монографиях психотерапевта Н.Ф. Калиной [Калина 1997, 1999, 2001]. В лингвокультурологических исследованиях данный вид общения как самостоятельный тип дискурса выделен В.И. Карасиком, отмечающим близость терапевтического (психотерапевтического) и медицинского дискурсов. Ученый, отмечая широту диапазона медицинского дискурса по сравнению с дискурсом терапевтическим, констатирует совпадение их целей, отражающих ценности, каковыми являются человеческая жизнь и нормальное здоровье (физическое и душевное) [Карасик 2004: 289].

Психотерапевтический дискурс сближается с дискурсом религиозным, причем точки пересечения находятся в круге целей и ценностей. Психолог и психотерапевт Н.Ф. Калина считает, что «именно из пастырства психотерапия заимствовала целый ряд своих этических принципов: идею служения, нравственное воздействие словом, сокровенность встречи, искренность и сопереживание страждущему, необходимые советы по моральной поддержке – все то, что называется духовным врачеванием» [Калина 2001: 27]. Однако при описании возникновения личностных проблем религиозный дискурс оперирует такими концептами, как *грех, вина, наказание, искупление, покая-*

ние. Психотерапевты же опираются на интеллектуальные психологические теории, а также на психиатрические представления о психическом здоровье, норме и патологии.

Психотерапевтический дискурс активно развивался и развивается в рамках дискурса научного. Но данные типы общения противопоставлены как дискурсы субъективный и объективный. Цель научного дискурса – совместный поиск истины, вывод нового знания. Системообразующими концептами психотерапевтического дискурса, на наш взгляд, служат концепты *психика, душа, личностный рост, взаимоотношения*. Целью же данного вида общения является совместное расширение «внутренней карты и территории» клиента [Калина 1999], поиск других, нестереотипных, взглядов на жизнь.

Психотерапевтический дискурс противопоставлен дискурсу политическому по ряду параметров. В отличие от политического дискурса, ориентирующегося на массовую аудиторию, психотерапевтический дискурс функционирует на личностном уровне, обладает непосредственным, межличностным характером коммуникации. Мы не можем говорить о сколько-нибудь стандартизованных образцах поведения участников психотерапевтического дискурса, что обусловлено индивидуальным характером взаимодействия психотерапевта и его клиента. Данный вид общения не является статусно-ориентированным.

На наш взгляд, психотерапевтический дискурс характеризуется особыми взаимоотношениями с понятием *власть*. С одной стороны, следует признать суггестивный характер воздействия психотерапевта на пациента (клиента) (сравните, например, практики гипноза и внушения). С другой стороны, по нашему мнению, понятие *власть* в границах данного типа дискурса регулируется этическими установками (не навреди, сокровенность встречи, познание клиента как Значимого Другого, то есть экзистенциального объекта) и редуцируется до своей риторической составляющей: психотерапевт – безусловный коммуникативный лидер психотерапевтического взаимодействия.

Психотерапевтический дискурс сближают с художественным содержательный и стилистический аспекты. Оба типа дискурса – дискурсы о чувствах, описывающие внутренние миры – область психической жизни человека. И художественный, и психотерапевтический дискурсы используют различные стилистические тропы и фигуры: первый – с целью эстетического воздействия на читателя, второй – как инструмент психологического убеждения и переубеждения. Объединяющим концептом обоих дискурсов является концепт *душа*.

Описание и определение психотерапевтического дискурса представляет особый интерес с точки зрения эмпирического использования языка и филологических знаний. Психотерапия представляет собой такую социальную сферу, в которой слово, равносильное действию, играет первостепенную роль.

Следует отметить, что и русские, и англоязычные определения психотерапии сосредоточиваются на противопоставлении психотерапевтических методов (*воздействие словом, use of psychological methods*) обычным медицинским способам воздействия. При этом русские определения больше подчёркивают цели психотерапии (*улучшить качество жизни, достижение гармонии с собой и миром*). Англоязычные же дефиниции акцентируют внимание на том, что клиентами владеют сильные чувства (*the treatment of depression, anger, and other strong feelings*).

В данном исследовании мы исходим из широкого понимания психотерапии как способа оказания помощи здоровым людям (клиентам) в ясном состоянии сознания в ситуациях психологических затруднений.

Конститутивными признаками психотерапевтического дискурса являются следующие: 1) его содержание – диалог психотерапевта и клиента, повествующего о своих страданиях; 2) его участники – психотерапевт и клиент (пациент); у психотерапевта может быть ко-терапевт (помощник); 3) его хронотоп – особое пространство (кабинет психотерапевта или зал, где проходит психологический тренинг) – убежище, где клиент может (в условиях полной безопасности, под заботливым присмотром терапевта, с его участием и помощью, следуя его инструкциям) испробовать новый опыт переживания, новые способы чувствовать, думать, действовать.

На наш взгляд, психотерапевтический дискурс можно описать как организованное символическое пространство, характеризующееся уплотнением времени.

По мнению исследователей [Калина 1999, 2001, Касавин 2008, Бушев 2013], анализ психотерапевтического дискурса должен учитывать ряд принципов: субъектности, диалогичности, идеологичности, интенциональности, контекстуальности. Принцип субъектности восстанавливает в правах автора высказывания. В этом случае говорящий субъект передаёт информацию собеседнику (психотерапевту), а также преодолевает свое сопротивление: участвуя в дискурсе, совершает личностные поступки, выстраивая процесс налаживания коммуникации с себе подобными.

Следуя идеям М.М. Бахтина, принцип диалогичности называют учётом присутствия Другого. Категория субъектов (участников) психотерапии, на первый взгляд, проста: это сам психотерапевт и его клиент. Однако кажущаяся простота данной структуры отражает наивный взгляд на характер психотерапевтического взаимодействия. Н.Ф. Калина, утверждая неоднозначность позиции клиента, цитирует Ж. Лакана: «Для нас важно знать, где находится субъект аналитического отношения. И в этом вопросе наивная позиция: субъект? Да вот же он, перед вами! – словно пациент – это что-то однозначное, словно сам аналитик сводится к группе индивидуальных характеристик, – совершенно недопустима» [Калина 2001: 19].

Исследователи говорят о непредумышленной полифонии речи участников психотерапевтического взаимодействия, когда высказывается и слышится в том, что высказывается, больше по сравнению с тем, что хотелось сказать. «Клиенты *не в полной мере владеют языком*, но отдаются на его власть» [Калина 2001: 17]. Избыток смысла в данном случае рассматривается психотерапевтом как «следы бессознательного».

Принцип идеологичности основывается на выделении особого пласта в структуре дискурса – пласта идей. Ткань дискурса клиента сплетается не только из языковых средств (слов, словосочетаний, предложений, образов), но и из вторичных означающих дискурса – из скрытых идей, которые располагаются в пространстве коннотативной семантики высказывания.

Принцип интенциональности необходим, чтобы учитывать сознательные и бессознательные интенции клиента как полиморфного субъекта высказываний. Даже небольшие по объему части дискурса свидетельствуют о желании одновременно высказать и утаить бессознательные означаемые, связанные с личностью клиента и историей его жизни.

Данные психологические характеристики дискурса дополняются принципом контекстуальности, так как любой дискурс, актуальный в данный момент, соотносится с контекстом, то есть с тем, что уже сказано, тем, что уже услышано, тем, что уже пережито. С другой стороны, актуальный дискурс клиента обращён к его будущим надеждам, стремлениям, желаниям личностных изменений.

Говоря о типичных участниках институционального дискурса, в анализируемом типе общения мы выделяем *психотерапевта* и *клиента*.

В русском психотерапевтическом дискурсе функционируют следующие номинации специалиста в области врачевания души: *психиатр, психотерапевт, психоаналитик, психолог, психолог-консультант*. В англоязычных толковых словарях зафиксированы такие лексемы: *psychiatrist, psychotherapist, psychoanalyst, psychologist, shrink.*

При описании *психотерапевта* как лингвокультурного типажа важной характеристикой является его образование. Традиционным для этого вида деятельности считается медицинское образование, однако психотерапевтической практикой может заниматься и человек с дипломом факультета психологии или с высшим гуманитарным образованием. Но в любом случае психотерапевт – это высокообразованный профессионал.

Необходимо также подчеркнуть ещё одну сему, объединяющую все вышеперечисленные номинации, – личная зрелость специалиста в области психотерапии (ср.: длительность обучения, необходимость наставника, опыт работы).

Можно выделить основные черты и качества, репрезентирующие психотерапевта как лингвокультурный типаж: 1) умение правильно и точно вер-

бально выражать собственный опыт; 2) владение эффективными стратегиями и тактиками речевого взаимодействия; 3) опора на нетрадиционные представления о взаимодополняющих и взаимозаменяемых отношениях между объективной реальностью и её описаниями; 4) оперирование культурным контекстом, влияющим на создание определенных стереотипных моделей психической реальности, как относительным, а не абсолютным конструктом; 5) выбор значений и смыслов, приписываемых реальности, тем или иным фрагментам опыта; 6) переориентация психической реальности клиента, его личностных значений и смыслов (если меняется описание, то преобразуется и сама психическая реальность); 7) способность рефлексировать психологические основы своего воздействия и его семиотические механизмы.

В отношении адресата психотерапевтического дискурса существует объективно справедливая номинация пришедшего за помощью – *клиент*. Психотерапия, как помогающая практика, может вывести клиента из духовного кризиса, определить новые для него жизненные смыслы. К психотерапевту обращаются для того, чтобы больше узнать о себе, а также чтобы помочь себе в кризисные моменты жизни.

В фокусе рассмотрения во время психотерапевтической сессии находятся такие значимые переживания, как *обида, сильная эмоциональная травма, гнев, счастье, любовь, влюблённость, чувственность, сексуальность, старость, страх, вина, кромешное одиночество, неоплаканное горе и полная безнадежность; а также невозможность выражать чувства, особая растерянная немота, онемелость, эмоциональное окаменение, бесчувствие, безжалостность – что к самой себе, что к окружающим*.

Психотерапевтические занятия дают возможность «*осветить фонариком чувства и назвать их*». Чувствами нельзя управлять, но, названные (и опознанные), они кажутся менее опасными. Здесь следует обратить внимание на функцию называния: неназванное (чувство, эмоция, переживание) ощущается каким-то смутным, рыхлым и вязким веществом, в то время как названное, опознанное и осознанное получает определенность, упругость и энергетический потенциал, становится более контролируемым и, соответственно, более безопасным.

В ходе межличностного взаимодействия психотерапевт, как профессионально рефлексирующий субъект, научает клиента механизму рефлексии. Для целей данного исследования актуально понимание рефлексии как «связки между наличным опытом и осваиваемым гносеологическим образом» [Бушев 2013: 81]. Под «осваиваемым гносеологическим образом» следует понимать разные (непривычные для клиента, иные, нестереотипные) подходы к явлениям его жизни, предлагаемые профессионалом в рамках того или иного психотерапевтического направления. Существенным является тот факт, что в процессе рефлексии одновременно корректируются и предлагае-

мый клиенту новый образ себя и своей жизни, и его отношение к личностному жизненному опыту. Рефлексия, таким образом, становится еще одним источником знаний для клиента.

В психотерапевтическом дискурсе особое внимание уделяется модальным операторам [см.: Калина 2001; Бушев 2013], причем психотерапевты стараются избегать модальности долженствования, ощущая её жесткую привязку к единственному смыслу. Интересно заметить, что ограничительный характер структуры долженствования, навязывающий определенные поступки адресату или третьему лицу, ощущается носителями языка и вызывает протестные реакции, выражающиеся в использовании противоположной по смыслу дискурсной единицы. Ср.: *Никто никому ничего не должен.* Данный ответ в свою очередь наполнен генерализациями – местоимениями без референтных индексов. И реакция-стимул (предложение с долженствованием), и возможная ответная реакция с кванторами общности функционируют в бытовом дискурсе, характеризующемся преобладанием эмоционально насыщенных обобщений над конкретным содержанием.

Употребление в речи субъекта модальности долженствования и генерализаций связывается с «темным духом культуры». Культура, как ведущая семиотическая система, моделирующая восприятие реальности, определяет нормы поведения субъекта, одновременно лишая его альтернативных способов действия.

Одним из системообразующих признаков психотерапевтического дискурса является его метафорический характер. В силу сложности объекта приложения усилий психотерапии – человеческой психики – специалисты вынуждены прибегать к метафорам. Сам этот объект в разных психотерапевтических текстах номинируется разными языковыми знаками, имеющими, однако, общие этимологические корни. Ср.: *психика*, что определенно указывает на отнесенность психотерапии к одной из разновидностей научного дискурса; *душа* – лексема, сближающая указанный тип общения с художественным и, шире, бытийным дискурсами; встречаются также единицы *психэ* и *душа-психея*, отражающие индивидуально-авторское понимание и истолкование данного концепта.

Так как психотерапия – это врачевание души словом, неудивительно, что именно лексема *душа* в данном типе дискурса чаще всего встречается в метафорическом употреблении.

В психологическом исследовании Клариссы Пинколы Эстес «Бегущая с волками» [Эстес 2012] *душа говорит, обладает голосом, реагирует на тепло; душа-самость расцветает, когда чувствует признание; душа – главный генератор человеческой духовности и энергии; дикая душа подплывает к нашему берегу; душа даёт ответы, поставляет идеи нашему воображению.* В данных контекстах *душа* выступает активным субъектом, способным действовать. Предикаты имплицируют представление о душе как о живом существе.

Душа может быть также местом, *в котором разгорается тайный огонь; о котором узна́ют бытие, творческая сила, душевный источник и отыщут к нему дорогу, и займут его; в котором постоянно продолжается жизнь, постоянно наступает смерть, постоянно происходит замена идей, образов, энергий; в котором скрывается естественный хищник*.

В *душе* несколько частей – светлые и тёмные стороны. Это представление о «многосоставности» души согласуется с тезисом о полифоническом субъекте психотерапевтического дискурса и реализуется в метафорических именных словосочетаниях с лексемой *душа* в родительном падеже (со значением принадлежности): *работа женской души, непостижимая страна души, глаза души, живые корни души, неутолённый голод души, дикое дыхание души, чащи души, пустыня души, темная ночь души, карта шрамов души, навоз души, повреждённые инстинкты души, чёрная галька под оболочкой души, теневая область души*.

Негативные, часто отрицаемые самим субъектом и не признаваемые обществом аспекты личности осмысляются как *ржавые капканы души* (ср.: *в чащах души полно ржавых капканов*); *хищник души* (ср.: *естественный хищник, скрывающийся в душе и в культуре*).

Другой ключевой метафорой психотерапевтического дискурса, на наш взгляд, является метафора *жизнь как текст*, появившаяся и активно функционирующая в философии постструктурализма. Постструктуралисты настаивают на принципиальной открытости текста, множественности его смыслов, незавершенности его значений.

Психотерапия, как социальная практика, эффективно использует метафору *жизнь как текст*. Жизнь, как и текст, можно создать, изменить, дописать, какие-то главы вычеркнуть или добавить. У Клариссы Эстес данная метафора встречается в следующем виде: «*Мы – многотомные издания. Даже если какой-то эпизод нашей жизни можно сравнить с крушением или пожаром, впереди нас ждет другой эпизод, а за ним третий*» [Эстес 2012: 196]. Контекст подчёркивает длительность человеческой жизни (*многотомные издания*), одновременно актуализируются такие важные категории, как автор, читатель текста и его (текста) смысл. Метафора генерирует вопросы: «Если жизнь – это многотомный текст, то кто его создаёт? Чья это ответственность? Кто читатель? Каковы смыслы данного текста и данной жизни?»

В психотерапевтическом дискурсе метафора является также инструментом терапевтического воздействия, причем в качестве метафоры выступают целые тексты. В этом случае можно говорить о терапевтической метафоре, определяемой как «риторически релевантная субституция, порождающая рефлексию над содержанием и смыслом текста» [Бушев 2013: 124]. Авторы исследования «Психотерапевтическая риторика» указывают, что в каче-

стве терапевтических метафор могут выступать притча, сказка, басня, анекдот, цитата, загадка и другие жанры художественного дискурса [там же].

Психотерапевт, являясь носителем конкретного ментально-лингвального комплекса, определенным образом воспринимает смыслы текстов-метафор: задаваемая сказкой (или любым другим жанром) система оценок в пространстве психотерапевтического дискурса подвергается анализу, интерпретациям и, возможно, пересмотру. Тексты – терапевтические метафоры – способствуют генерации возможных ответов на вопрос: почему мы такие?

Семантическая неоднозначность метафоры открывает простор для толкований, что вполне согласуется с интерпретационным характером психотерапевтического дискурса. Метафоры оказывают мощное воздействие на клиента психотерапии, так как они имеют эвристическую значимость, мощный суггестивный потенциал, заставляя интенсивно работать воображение. В психотерапевтическом дискурсе метафоры обладают моделирующим характером: новые метафоры, появляющиеся в дискурсе клиента психотерапии, создают новую для него реальность, способствуя его личностному росту.

Во **второй главе «Языковые характеристики психотерапевтического дискурса в текстах разных жанров»** описываются способы выражения анализируемого типа общения (обосновывается положение об *интерпретативной* стратегии как ведущей, *объясняющей* и *организующей* стратегиях как вспомогательных для данного дискурса), на материале рассказа Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» и романа И. Ялома «Шопенгауэр как лекарство» раскрываются особенности функционирования основных для данного дискурса концептов (в частности, концептуальной пары *жизнь – смерть*), концепт *relationship (взаимоотношения)* рассматривается как дискурсивно-специфический. Интернет-рассылка «Двадцать уроков мудрости дао» описывается как периферийный жанр психотерапевтического дискурса.

Важной коммуникативной характеристикой дискурса является присущая ему система стратегий и тактик. Описание речевых стратегий и тактик представляет собой анализ коммуникации с точки зрения её эффективности. В данной работе стратегии и тактики анализируемого типа общения рассматриваются на примере психотерапевтических сессий, описанных в романе И. Ялома «Шопенгауэр как лекарство».

В психотерапевтической коммуникации психотерапевт занимает метапозицию: он моделирует процесс метаобщения внутри группового взаимодействия, одновременно наблюдая за ходом его развития и регулируя его. Клиенты охвачены стихией коммуникации: они погружены в её содержание, реализуя в диалоге стратегии и тактики из привычного репертуара повседневного общения. Именно психотерапевт, находящийся в активной метапозиции, выводит клиентов из круга коммуникации в метакоммуникацию – вербализованную рефлексию о коммуникации. В метакоммуникации

имеет место знаковое оформление новых для клиента смыслов и значений – процесс психосемиозиса.

Психотерапевт Джулиус Хертцфельд, герой романа «Шопенгауэр как лекарство», определяет свою стратегическую цель как желание быть эффективным в налаживании значимых личностных взаимоотношений своих клиентов. Стратегическая цель достигается различными тактиками. В зависимости от ситуации психотерапевтического группового взаимодействия Джулиус пробует разные приёмы, так как в психотерапевтическом дискурсе не существует абсолютной истины, находящейся вне отношений терапевта и клиента.

При восприятии дискурса клиента в качестве основной психотерапевт использует *интерпретативную* стратегию. К вспомогательным стратегиям относятся *организующая* и *объясняющая* стратегии.

Психическая реальность клиента выступает основой дискурса субъектов психотерапевтического взаимодействия. Вербализуя её (свою психическую реальность, то есть рассказывая свою жизненную ситуацию), клиент создаёт текст, наполненный денотативными значениями. Внутренний мир клиента является для него самого загадкой, нуждающейся в разрешении (поскольку он самостоятельно не может справиться со своими проблемами), а для психотерапевта дискурс клиента наполнен высказываниями, которые необходимо истолковать, интерпретировать. Именно индивидуальная иерархия значений и смыслов человека является объектом возможных преобразований и изменений. Последнее связано с семиозисом – динамическим процессом порождения значения через интерпретацию знака.

Интерпретативная стратегия, являясь основной стратегией психотерапевтического дискурса, реализуется в следующих тактиках:

– разработанная тактика вопросов: 1) о чувствах (*What are you feeling? How do you feel about it?)*; 2) о прошлом *(What were you like when you were your son's age?*); 3) вопросы, актуализирующие контекст «здесь и сейчас» (*Why today? Why now?*);

– тактика перефразирования, речевым маркёром которой выступает словосочетание *you mean,* а также вводная часть *What I hear…*; перефразирование может быть в сочетании с описанием речевого поведения клиента;

– тактика устранения генерализаций, использующая директивные указания (выражающиеся императивами), а также конкретизации – замену неопределенных местоимений конкретными именами и конкретными формулировками;

– тактика интерпретаций сновидений и интерпретаций притчи как развернутой метафоры жизни, причем данные жанровые разновидности в психотерапевтическом дискурсе выступают как сложные коннотативные знаки.

При конфронтационных установках участников общения коммуникация имеет усложненный сценарий, позиция психотерапевта отличается осо-

бой гибкостью: он использует многоходовые тактики (мысленного эксперимента, воздействия), реализуя стратегию минимизации отрицательных и максимизации положительных результатов и моделируя метакоммуникацию.

Психотерапевт меняет личностные смыслы клиентов и порождает новые, используя механизм рефлексии, «останавливающий» обычную коммуникацию и заставляющий группу погрузиться в контекст «здесь и сейчас» и размышлять над коннотативными смыслами дискурса, «всплывшими» и «мерцающими» в процессе коммуникации.

Механизмом психотерапевтического семиозиса является установление диалога сознания клиента с бессознательным содержанием определённой проблемы. Воздействие психотерапевта осуществляется через анализ языковых форм, формирующих порядок дискурса клиента, к объективации бессознательных содержаний психики и далее к производству новых смыслов и значений, а также к их иному – преобразующему – знаковому оформлению.

К вспомогательным стратегиям относятся *организующая* и *объясняющая* стратегии. Психотерапевт организует коммуникацию во время личной или групповой встречи с клиентом: он обозначает начало и конец встречи, представляет нового клиента группе. Объясняющую стратегию специалист использует в случаях, когда необходимо восполнить пробелы в знаниях клиентов, например, в случае, когда только психотерапевт обладает уникальным опытом или знаниями.

Базовыми единицами дискурса выступают концепты. В данном исследовании под концептом вслед за В.И. Карасиком [2004, 2009, 2011], С.Г. Воркачёвым [2007, 2011], Е.И. Шейгал [2004] понимается многомерное, семиотически плотное образование, представленное целым рядом синонимических языковых знаков (слов и словосочетаний), ассоциаций и образов.

Концептуальная пара *жизнь – смерть* в психотерапевтическом дискурсе получает глубокое, экзистенциальное осмысление. Психотерапевты работают со смертельно больными людьми, когда целью терапии является облегчение нравственных страданий, уменьшение страха смерти. Парадокс современной культуры заключается в том, что, зная о смертности человека, мы изгоняем смерть из повседневной жизни; для нас смерть – это всегда потом, не сейчас. Психотерапевтический дискурс, наоборот, способствует осмыслению данного феномена как завершенности, предела жизни. При этом сама жизнь изменяет свои коннотации: это не просто продолжение / течение жизни, но её интенсивность, ощущение себя живым, обостренное переживание настоящего момента вместо откладывания до какой-либо точки будущего.

В рассказе Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» пара *жизнь – смерть* выступает авторскими концептами, получающими индивидуальные творческие интерпретации: жизненное ассоциируется с влажным, сырым, всегда готовым к изменениям; смерть является значительным событием,

наполняющим горем. Важно участие других в совместном горевании о покидании света. Концепты *жизнь* и *смерть* реализованы в следующих лейтмотивах: лейтмотив болезни/смерти – загадочного существа, лейтмотив изгнания/игнорирования смерти как священного акта. Данные лейтмотивы поддерживаются лейтмотивом вкусовых ощущений и лейтмотивом весёлой, приятной и приличной жизни.

Концептуальное пространство американского психотерапевтического дискурса (отраженного в романе И. Ялома «Шопенгауэр как лекарство») образуется концептами *life – death*, а также дискурсивно-специфическим концептом *relationship (взаимоотношения)*. Концепт *life* (*жизнь*) представлен тематическим рядом *interval of being* (*миг бытия*), *existence* (*существование*) *self-awareness* (*сознание*). Синонимами лексемы *death* выступают *mortality* (*смертность*) и *finiteness* (*конечность*). Семиотическую плотность концепта *relationship (взаимоотношения)* образует синонимический ряд *relate to (установить контакт), bond (связь), affection, attachments (привязанности), embrace (личный контакт)*.

Концепт *смерть* в психотерапевтическом дискурсе получает особое осмысление через активную реализацию жизненных дел и идей, приобретая экзистенциальные коннотации. Именно присутствие смерти в жизни наполняет последнюю смыслом, что способствует личностному росту человека.

Центр жанрового пространства психотерапевтического дискурса, как нам представляется, занимает психотерапевтическая сессия или тренинг – сложное коммуникативное событие, в котором непосредственное межличностное общение дополняется рефлексивными остановками с последующим выходом в метакоммуникацию. На периферии находятся научно-популярные статьи психологических журналов, включая такую разновидность, как Интернет-рассылка.

Интернет-рассылку можно отнести к психотерапевтическому дискурсу по признаку «содержание общения». Она относится к периферии анализируемого типа дискурса – в зоне его пересечения с массово-информативным дискурсом.

В данной работе рассматриваются прагмалингвистические и лингвокультурологические особенности Интернет-проекта журнала Psychologies «Двадцать онлайн-уроков мудрости дао» [режим доступа: www.wday.ru/ psychologies/]. В фокусе дискурсивного анализа данного жанра должны находиться ответы на следующие вопросы: 1) кто является автором текста; 2) каков его адресат, то есть какова коллективная личность, отображаемая в системе идей и оценок проекта «Уроки мудрости дао»; 3) как изображен субъективный жизненный опыт человека; 4) как проявляется иллокутивная сила речевых актов автора?

Все двадцать уроков рассылки имеют четкую композиционную структуру. Каждый урок содержит означающие, принадлежащие разным кодам: 1) китайский иероглиф, представляющий то или иное понятие философии дао, изображенный в круге на фоне стилизованного растительного орнамента; 2) крупные буквы предложения - сентенции, отражающей основную мысль урока; 3) произношение иероглифа и его русский перевод, заключённые в рамку, что дополнительно структурирует страницу урока и способствует привлечению внимания; 4) языковое сообщение, разделенное на три части – теоретическую часть и так называемый практикум с заголовками «К чему стремиться. Чего избегать»; 5) афоризм – цитата из китайской философской литературы. Стабильность поурочной структуры «приобретает едва ли не демиургическую роль: именно благодаря регулярной повторяемости одних и тех же единиц и их комбинаций, произведение предстает как некое законченное целое, наделенное смыслом» [Барт 1994: 258]. Не случайно онлайн-уроки представлены именно как проект, то есть завершенный замысел.

Китайские иероглифы во всех двадцати уроках являются изображениями, иконическими знаками. Знания, которых требуют данные знаки, специфичны: это стереотипные представления русских о китайской культуре, даосской философии. Однако данные знаки вступают в парадигматические и синтагматические отношения.

Парадигматические отношения относят знак к некоторому определенному, по возможности минимальному множеству других знаков. В нашем случае это «вертикальные» отношения, выстраиваемые ретроспективно всей системой двадцати уроков. Возникает цепочка иероглифов (мы даём только русские эквиваленты, нумерация используется для обозначения урока, в котором встречаются анализируемые понятия): (1) *изменения* – (2) *луна, солнце* – (3) *дыхание, энергия* – (4) *женское, мужское начало* – (5) *вода, недеяние* – (6) *отстранение* – (7) *золотая середина* – (8) *человечность* – (9) *приспосабливаться* – (10) *воля неба* – (11) *дзен, спокойствие, сосредоточенность* – (12) *терпение* – (13) *скромность* – (14) *речь, слово, говорить* – (15) *старец* – (16) *рассудительность* – (17) *бамбук* – (18) *сокращать* – (19) *наблюдать* – (20) *здоровье, тело.* Всю парадигму объединяет понятие *дао* – *путь* (понимаемый метафорически – жизненный путь). Значимо, что первый элемент данной цепочки – иероглиф «и» (*изменения*), а конечный – «кан» (*здоровье*): изменения (имеются в виду внутренние, личностные изменения) ведут к здоровью, физическому и душевному. Знаки объединены модуляциями сосуществования, переходом из одной категории в другую, перетеканием смысла.

Синтагматические отношения присоединяют знак к другим знакам высказывания, предшествующим или последующим; это «горизонтальные» отношения, выстраиваемые внутри урока.

Денотативное означаемое проекта – двадцать понятий мудрости дао. Однако, помимо денотативного означаемого, можно выделить еще по крайней мере два коннотативных означаемых. Это *современный человек* (синонимами являются *немудрый, неблагородный, несовершенный*) и *аромат китайской культуры*. Его присутствие в реальности современного человека (пусть даже виртуальное – ведь проникает он через электронную почту) изменяет представления о жизни: как будто открывается окно в другую реальность и дует ветер перемен. Означаемые *китайская культура, мудрость дао* предполагают наличие эмоционально-ценностных представлений – представлений о спокойствии, созерцательности, гармонии.

Автором текстов Интернет-рассылки выступает якобы некое *мы*, а на самом деле чаще *я*, приобретающее предельно обобщённый образ психотерапевта, клиентом которого является массовая аудитория, коллективная личность. На денотативном уровне психотерапевт знакомит клиентов с духовной практикой даосизма, на уровне коннотаций и идеологии отталкиваясь от представлений о современном человеке и опираясь на стереотипные представления читателей о китайской культуре. Он предлагает нам «попробовать» новые мысли, чувства, формы поведения прямо сейчас, сегодня (раз в неделю или раз в день). Деятельность такого психотерапевта может быть описана как процесс бесконечного приближения к пониманию сущности единственного означаемого – смысла жизни.

Коллективную личность, отображаемую в системе идей и оценок проекта «Уроки мудрости дао» можно обозначить как «современный человек», подверженный всем заблуждениям механической цивилизации. Означаемое *современный человек* является коннотативным, выводится из подтекста, существует на уровне пропозиций. Вот какие значения образуют данную категорию: *современный человек* – это человек, который позволяет эмоциям брать над собой верх, а любовной страсти – ослепить себя (уроки 1, 9). *Современный человек* склонен навешивать ярлыки, он судит и осуждает людей и не умеет менять своё мнение (уроки 2, 19); он подвержен стрессам, всегда спешит, злоупотребляет кофе и сигаретами, часто ест сидя перед компьютером (уроки 3, 12, 20); он слаб, не уверен в себе до угодничества перед другими и высокомерен одновременно (уроки 4, 13), навязывает своё мнение силой и нападает, используя тактику нападения как приём защиты (уроки 5, 9); он выпячивает свое «Я» (урок 13) и не слышит голоса интуиции (урок 6), не внимателен к собственному усталому телу (уроки 4, 20); он боится одиночества (урок 11) и часто беспокоится (урок 12); он пренебрегает чистотой своего языка, выражается кое-как (урок 14) и презирает стариков (урок 15); он часто выбирает друзей ради выгоды (урок 16), приравнивая их и себя к счету в банке (урок 17); не мо-

жет прожить и дня без телевизора и мобильного и тратит время на пустые развлечения (урок 18); он зациклен на собственной персоне.

Описанные выше характеристики современного человека и соответственно его жизненного опыта имплицитны, ведь психотерапевт – это эмпатийный субъект, не осуждающий и не оценивающий клиента.

Интернет-рассылки используют знаки, принадлежащие различным кодам. Знаки вступают в различные отношения: парадигматические и синтагматические. Различная природа знаков, а также различные отношения между ними порождают дополнительные смыслы. В процессе такой коммуникации происходит переформирование самой личности, её самопознание.

В заключении подводятся итоги исследования и намечаются его перспективы.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в лингвистическом, а также семиотическом описании концепта *бессознательное*; в анализе структурных, лингвистических и стилистических особенностей жанрового поля психотерапевтического дискурса, например, такого жанра, как психобиография личности (реального лица или героя художественного произведения). Психотерапевтический тренинг или сессия как сложное коммуникативное событие состоит из нескольких первичных (простых) жанров, которые также требуют тщательного анализа.

Основное содержание работы отражено в следующих публикациях:

Публикации в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Сумина Н.В. Стратегии и тактики психотерапевтического дискурса (на материале романа И. Ялома «Шопенгауэр как лекарство») // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – № 12 (20). – 2012. – Режим доступа: www.sisp.nkras.ru.

2. Сумина Н.В. Телеономные концепты «смерть» и «смысл жизни» в психотерапевтическом дискурсе (на материале романа И. Ялома «Шопенгауэр как лекарство») // Журнал «Вестник Майкопского государственного технологического университета». – Вып. 4. – 2012 г. – С. 46–49.

3. Сумина Н.В., Кудинова Т.А. Языковое выражение категорий психотерапевтического дискурса (на материале романа И. Ялома «Шопенгауэр как лекарство») // Электронный научный журнал «Инженерный вестник Дона». – № 4 (часть 1). – 2012. – Режим доступа: http: ivdon.ru/ru/magazine/archive.

4. Сумина Н.В. Психотерапевтический дискурс: теоретические основы характеристики в лингвопрагматическом преломлении // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Научный журнал ISSN 2220-2404. – Вып. № 7. – 2013. – Режим доступа: http://www.online-science. ru/m/productspunkt/number_7-2013.

5. Сумина Н.В., Кудинова Т.А. Лингвокультурологические интерпретации концепта «смерть» (на материале повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Научный журнал ISSN 2220-2404. – Вып. № 7. – 2013 г. – Режим доступа: http://www.online-science.ru/m/productspunkt/number_7-2013.

6. Сумина Н.В., Кудинова Т.А. Номинации участников психотерапевтического дискурса: семантика и прагматика понятийного аппарата // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Научный журнал ISSN 2220-2404. – Вып. № 6. – 2013 г. – Режим доступа: http: // www.online-science.ru/m/productspunkt/number_6-2013.

7. Сумина Н.В., Кудинова Т.А. Интерпретация речевых отрезков как механизм психотерапевтического семиозиса: на материале романа И.Ялома «Шопенгауэр как лекарство» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусства. – 2014. – № 4. – С. 146–149.

8. Сумина Н.В. Психотерапевт и его клиент как лингвокультурные типажи: соотношение лексикографических интерпретаций с реальностью // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 11. – Ч. 2. – 2016. – С. 137–140.

Статьи, опубликованные в сборниках материалов научных конференций и других изданиях:

9. Сумина Н.В., Кудинова Т.А. Онтология и интерпретации понятия «дискурс» // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Ежегодный журнал. – Вып. XIV. – Владикавказ, 2012 г. – С. 176–181.

10. Сумина Н.В., Кудинова Т.А. Нарушение лексической сочетаемости в социальной информации как приём психологического воздействия // II Международная научная конференция «Стилистика сегодня и завтра: Медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах». – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2012. – С. 441–446.

11. Кудинова Т.А., Кудинов А.А., Сумина Н.В. Психодиагностика и этика делового общения: совершенствование умений и навыков в коммуникационном процессе: учебное пособие. – Ростов-на-Дону: Рост. гос. строит. ун-т, 2013. – 85 с.

12. Сумина Н.В., Кудинова Т.А., Щербакова А.Л. Прагматика перевода поэтического текста (на материале стихотворения В.Высоцкого («Банька по-белому») // Applied and Fundamental Studies / Proceedings of the 2nd International Academic Conference / March 8-10, 2013 // Publishing House «Science & Innovative Centre» (St. Louis, Missouri, USA). – Vol. 2, 2013. – С. 122–127.

13. Сумина Н.В., Кудинова Т.А. Интернет-рассылка как жанр психотерапевтического дискурса // Наука и образование в XXI веке: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 31 октября 2014 г.: в 17 ч. – Ч. 9. – Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2014. – С. 56–61.

14. Сумина Н.В., Кудинова Т.А. Метафоризация концепта *душа* в психотерапевтическом дискурсе // Вопросы образования и науки: теоретические и методические аспекты: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 31 мая 2014 г.: в 11 ч. – Ч. 4. – Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2014. – С. 83–85.

В печать 13.01.2017. Формат 60х84/16.
Печать цифровая. Бумага офсетная. 1.39 усл.п.л.
Тираж 100 экз. Заказ № 58.

Отпечатан ИП Дорошенко В.В.
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Тургенева, 68.